

О ПРАВѢ
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Membra sumus corporis magni,
natura nos cognatos edidit.
Seneca.

Ф. МАРТЕНСА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
1869.

Печатать дозволяется, по опредѣленію юридическаго факультета Импера-
торскаго С.-Петербургскаго Университета. С.-Петербургъ, 3 мая 1869 года,
Деканъ юридическаго факультета: *И. Ивановскій*.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ПРЕДИСЛОВІЕ.	V
ВВЕДЕНІЕ	1

Часть первая.

ГЛАВА I.

О международных столкновенияхъ и средствахъ, менѣе насильственныхъ, для миролюбиваго ихъ окончанія	19
I. Реторсія	21
II. Репрессалии	23
III. Эмбарго	38
IV. Мирная блокада	46

ГЛАВА II.

Право войны	54
I. Историческій очеркъ права войны	56
II. Развѣтіе понятія права войны	70

ГЛАВА III.

Объ отношеніяхъ воюющаго государства къ его собственнымъ гражданамъ	103
---	-----

ГЛАВА IV.

О правахъ непріятельской частной собственности на сушѣ .	119
ОТДѢЛЕНІЕ I. О частной собственности на непріятельской территоріи	—
I. Объ имуществахъ недвижимыхъ	120
II. Объ имуществахъ движимыхъ	125
III. О правахъ частныхъ лицъ по обязательствамъ	149

ГЛАВА V.

О правахъ непріятельской частной собственности на сушѣ .	171
ОТДѢЛЕНІЕ II. О частной собственности на территоріи, завоеванной непріателемъ	—
I. Объ имуществахъ недвижимыхъ	172
II. Объ имуществахъ движимыхъ	183
III. О реквизиціяхъ и контрибуціяхъ	206

IV

Часть вторая.

СТРАН.

О правахъ частной собственности во время войны на морѣ .	220
ГЛАВА VI.	
О правахъ нейтральныхъ державъ и, въ особенности, нейтральной торговли	223
I. Историческое развитіе права нейтралитета и нейтральной торговли	224
Періодъ I. Отъ временъ древняго міра до перваго вооруженнаго нейтралитета 1780 г.	—
Періодъ II. Отъ перваго вооруженнаго нейтралитета 1780 г. до Парижскаго конгресса 1856 г.	241
II. Развитіе сознанія правъ нейтральныхъ и нейтральной торговли въ наукѣ	261
ГЛАВА VII.	
О каперахъ	285
I. Историческій очеркъ каперства и попытокъ его уничтоженія .	287
II. О каперствѣ, по началамъ науки	318
ГЛАВА VIII.	
О неприкосновенности непріятельской частной собственности на морѣ	338
I. Вопросъ о неприкосновенности непріятельскихъ купеческихъ кораблей, по уничтоженіи каперства	340
II. Развитіе въ литературѣ сознанія права неприкосновенности частной собственности на морѣ	351
III. Критика мнѣній публицистовъ	358
1. Юридическія доказательства, въ пользу захвата частной собственности на морѣ	359
2. Нѣкоторые моральныя и политическія соображенія, приводимыя противъ признанія свободы частной собственности на морѣ	379
ГЛАВА XI.	
О вліяніи неприкосновенности непріятельской частной собственности, во время морской войны, на ученіе о военной контрабандѣ и блокадѣ	391
I. О военной контрабандѣ	392
1. Историческій очеркъ военной контрабанды	393
2. Юридическое основаніе военной контрабанды	402
ПРИБАВЛЕНІЕ.	
О правѣ осмотра	416
II. О правѣ блокады	420
1. Историческій очеркъ права блокады	—
2. Теорія права блокады	426
ЗАКЛЮЧЕНІЕ	449

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Парижскій конгрессъ 1856 г. безспорно можно отнести къ самымъ знаменательнымъ событіямъ нашего времени. Послѣ почти сорокалѣтняго и небывалаго, въ исторіи международныхъ отношеній, мира, въ теченіе котораго международная жизнь цивилизованныхъ народовъ проявлялась въ самыхъ осязательныхъ формахъ, возникновеніе восточной войны между великими европейскими державами положило конецъ этому періоду броженія въ государственной, и процвѣтанія въ международной жизни. Война снова причинила громадныя потери народному благосостоянію и воспрепятствовала мирному развитію международныхъ отношеній.

Однако, установившіяся, въ теченіе продолжительнаго мира, тѣсныя связи между народами и развившееся международное правосознаніе не могли не оказать своего благотворнаго вліянія на образъ дѣйствія воюющихъ сторонъ. Возникшая война, съ другой стороны, вызвала публицистовъ на изслѣдованіе современнаго международного права. Тѣ изъ нихъ, которые строго держались на положительной почвѣ историческаго изученія международныхъ отношеній и, притомъ, неуклонно слѣдовали идеѣ права, указывали на господствующій произволъ и несообразности, противныя условіямъ развитія современной международной жизни. Распоряженія, сдѣланныя воюющими державами, въ самомъ началѣ войны, служили предзнаменованіемъ новой эпохи въ морскомъ международномъ правѣ. 16 (4) апрѣля 1856 г. представителями семи главнѣйшихъ европейскихъ державъ, участвовавшими на конгрессѣ, была подписана декларація, въ которой, въ торжественной формѣ, опредѣляются четыре изъ наиболѣе спорныхъ принциповъ международного права. Декларація эта замѣчательна какъ по формѣ и содержанію, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Въ отношеніи формы,

декларация эта была не обыкновенный международный трактатъ, но торжественное признаніе извѣстныхъ принциповъ международнаго права, обязывающее присоединившіяся къ ней державы, не только каждой въ отдѣльности строго соблюдать эти принципы, но и охранять ихъ сообща противъ каждой державы, приступившей къ декларации, и нарушившей ее. По содержанію своему Парижская декларация достойна особеннаго вниманія, за признаніе неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ государствъ и за уничтоженіе каперства, которое на конгрессѣ опредѣлили какъ «организованный морской разбой». Положивъ, осужденіемъ каперства, начало уничтоженію частной войны на морѣ, она возбудила сильную и упорную агитацию, въ Европѣ и Америкѣ, въ пользу полной отмѣны захвата непріятельской частной собственности на морѣ.—Обращаясь къ современной практикѣ войны, тотчасъ же бросается въ глаза различіе, существующее между положеніемъ непріятельской частной собственности на сушѣ и той же собственности на морѣ. Во время сухопутной войны частная собственность мирныхъ подданныхъ непріятельской державы всегда считается, въ принципѣ, неприкосновенною, и не подлежитъ праву военной добычи. На морѣ же, частная собственность подвергается захвату и конфискаціи, до настоящаго времени. Въ то самое время, когда общепризнано начало, что война есть отношеніе государства къ государству, а не частныхъ лицъ другъ къ другу, морская война сохранила характеръ *belli omnium contra omnes*, въ которой не дѣлается никакого различія между государствомъ и частными лицами, государственной и частной собственностью. Подобная аномалія давно уже обращала на себя вниманіе писателей и государственныхъ людей, и, для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса было сдѣлано не мало попытокъ. Однако, до настоящаго времени производится разграбленіе частныхъ лицъ на морѣ, благодаря ложному пониманію своихъ собственныхъ интересовъ и всегдашней готовности принести право въ жертву политическимъ соображеніямъ. Самымъ дѣйствительнымъ, для этой цѣли, средствомъ, въ

теченіе цѣлыхъ вѣковъ, было каперство или корсарство: самое вопіющее нарушеніе принципа войны. Послѣ уничтоженія каперства, частная война на морѣ не прекратилась, но, только, для захвата частной собственности снаряжаются теперь государственные, а не частные каперы, такъ что каперство является государственнымъ корсарствомъ и корсары, грабившіе прежде въ свою исключительную пользу, теперь должны получать отъ государства призовыя деньги. Очевидно, что недостаточенъ шагъ, сдѣланный Парижской деклараціею для уничтоженія частной войны и уподобленія военныхъ законовъ и обычаевъ на морѣ, — законамъ, господствующимъ на сушѣ; потому что, только полная и безусловная, въ принципѣ, неприкосновенность частной собственности, уничтожающая частную войну, согласна съ основными началами современнаго права войны. Въ этомъ смыслѣ прежде другихъ, высказалось послѣ Парижскаго конгресса, правительство Соединенныхъ Штатовъ; публицисты же и общественное мнѣніе, въ Европѣ и Америкѣ, открыто и настойчиво требовали ограниченія произвола воюющихъ державъ и уваженія права частной собственности мирныхъ и беззащитныхъ подданныхъ. Россія неоднократно высказывалась въ пользу этого принципа и, наконецъ, въ 1856 г. снова изъявила свое согласіе провозгласить полную неприкосновенность частной собственности положительнымъ закономъ международнаго права.

До сихъ поръ, вопросъ о неприкосновенности непріятельской частной собственности былъ болѣе предметомъ практическихъ и политическихъ разсужденій, въ парламентахъ и торговыхъ палатахъ Англіи, Франціи и Германіи, нежели предметомъ подробнаго, научнаго изслѣдованія. Впрочемъ, мы нисколько не намѣрены умалить важность и значеніе обсужденія настоящаго вопроса, съ практической и политической точки зрѣнія, такъ какъ мы знаемъ, что нигдѣ собственный интересъ не имѣетъ такого преобладающаго вліянія, какъ въ рѣшеніи вопросовъ международнаго права. Но все-таки мы убѣждены, что только научное и, по возможности, всестороннее изученіе вопроса, въ состояніи дать

ему твердое основаніе и выяснить, надлежащимъ образомъ, требованіе международной жизни и правосознанія. Единственное и положительное основаніе для отмѣны частной войны найдется тогда, когда будетъ доказано, что неприкосновенность частной собственности прямо вытекаетъ изъ права, и захватъ ея, во время войны, есть вопіющее насиліе и нарушение неотъемлемыхъ правъ частныхъ лицъ. Пока находятъ только возможнымъ и справедливымъ, во имя гуманности, и на основаніи политическихъ соображеній, просить объ уничтоженіи существующаго захвата частной собственности, до тѣхъ поръ, вопросъ останется предметомъ политики, и, слѣдовательно, долженъ подчиняться всѣмъ превратностямъ политическаго толкованія. Если же свобода частной собственности, во время войны, должна быть изслѣдываема съ точки зрѣнія международного права, то ничто иное какъ только *право* и можетъ лечь въ основаніе всѣхъ разсужденій. Въ международномъ правѣ вопросъ ставится такимъ образомъ: *или*, частныя лица не имѣютъ права на неприкосновенность своихъ имущественныхъ отношеній, въ теченіе войны — тогда отъ политическихъ соображеній данной минуты и даннаго государства, зависитъ захватъ или неприкосновенность, — *или* же, на сторонѣ частныхъ лицъ право — тогда захватъ ихъ собственности есть насильственное нарушение права собственности, или грабежъ. Такъ понимаемъ мы настоящій вопросъ, и поэтому, изслѣдованіе *права* частной собственности во время войны, какъ сухопутной, такъ и морской, составляетъ задачу настоящаго труда.

Приступая къ изслѣдованію этого весьма спорнаго вопроса, и зная недостаточность нашихъ силъ, мы нисколько не думали, самонадѣянно, рѣшить его окончательно, — мы желаемъ только, чтобы на трудъ нашъ смотрѣли какъ на опытъ научнаго выясненія правъ частныхъ лицъ, во время войны.

Ф. Мартенсъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ человѣческой природѣ заключается источникъ всѣхъ познаній, составляющихъ предметъ общественныхъ и юридическихъ наукъ. Анализъ жизненной струи и условій процвѣтанія и развитія человѣка, въ его отношеніяхъ къ другимъ, необходимъ для пониманія цѣли индивидуальной, общественной, государственной и, наконецъ, международной жизни. Жизнь человѣка, съ перваго же взгляда, представляется обоюдной мѣною отношеній, которая вызывается недостаточностью силъ отдѣльнаго индивида достигнуть своей разумной цѣли: всесторонняго развитія индивидуальных силъ. «Природа, безъ сомнѣнія, неизмѣняется и къ ней, какъ говоритъ Тиндаль, ничего нельзя прибавить и отъ нея ничего нельзя отнять». Но за то, измѣняется постоянно жизнь и развиваются ея условія; а чѣмъ многостороннѣе становятся различія и неравенство въ предложенныхъ и требуемыхъ услугахъ для удовлетворенія потребностей человѣка, тѣмъ болѣе выступаетъ необходимость въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній индивидовъ и, тѣмъ осязательнѣе чувствуется надобность въ ограниченіи свободной воли отдѣльной сильной личности, и въ охраненіи слабой. Въ природѣ всякаго индивида обнаруживается сильное стремленіе къ самоопредѣленію и выражается желаніе поставить самого себя цѣлью окружающаго его внѣшняго міра. Въ борьбѣ, которая неминуемо должна явиться результатомъ стремленія лица къ самоопредѣленію и въ противодѣйствіи ему внѣшняго міра, выражается индиви-

дуальность человека. Рядомъ съ этимъ влеченіемъ къ самоопредѣленію и самоцѣльности, человѣческой природѣ, также, присуще стремленіе къ общенію съ индивидами, ему подобными. Установившееся общеніе восполняетъ недостатки индивидовъ, умножаетъ ихъ средства для противодѣйствія посягательствамъ внѣшняго міра къ ихъ поработченію, и только, въ общеніи человекъ въ состояніи достигнуть своей индивидуальной, разумной цѣли. Однако, такъ какъ всякій, естественно, преслѣдуетъ свои личныя индивидуальныя цѣли, то понятно, что въ общежитіи между людьми должны происходить столкновенія, которыя, съ одной стороны, являются столкновеніями индивидовъ между собою, а съ другой, индивида съ совокупностью индивидовъ, съ общеніемъ. Чѣмъ, спрашивается, разрѣшаются протекающія недоразумѣнія и столкновенія индивидовъ? Такъ какъ человѣческой природѣ присуще стремленіе къ общенію, то въ ней и должно искать средства для рѣшенія неминуемыхъ столкновений. Дѣйствительно, гдѣ только люди приходятъ въ какое нибудь соприкосновеніе, тамъ явно выказывается ихъ чувство и сознаніе права. Право, именно, въ такой же степени неразрывно связано съ существомъ человека, какъ и самое влеченіе къ обмѣну отношеній. Отрицать существованіе чувства права, которое проявляется на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, какъ у самыхъ варварскихъ, такъ и цивилизованныхъ народовъ, никто не въ состояніи. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что не всегда право выступаетъ съ одинаковой ясностью и, весьма различно, въ разныя времена, бываетъ сознаніе и понятіе права. Это совершенно понятно, если вникнуть въ существо права, какъ оно зиждется въ человѣческой природѣ и проявляется въ жизни. Слѣдуя природному влеченію къ общежитію, сама жизнь своимъ теченіемъ совершенно осязательнымъ и естественнымъ образомъ указываетъ на тѣ условія, чрезъ посредство коихъ мы можемъ достигнуть нашего развитія и блага. Соблюденіе и осуществленіе этихъ условій, не только не проти-

ворѣчить свободѣ воли, но даже зависеть отъ воли индивида въ такой степени, что безъ соблюденія этихъ условій, человекъ и человечество не могутъ ни развиваться, ни совершенствоваться. Слѣдовательно понятно, что совокупность этихъ условій должна быть соблюдаема всякимъ живущимъ въ общеніи, ради своихъ собственныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, подъ правомъ, мы разумѣемъ, органическое цѣлое условій, зависящихъ отъ человеческой воли, необходимыхъ для осуществленія жизненныхъ цѣлей, какъ человека, такъ и общества, государства и народовъ ¹⁾. Основываясь на этомъ опредѣленіи права, заимствованномъ нами изъ философіи Краузе и его послѣдователя Аренса, мы сдѣлаемъ попытку самостоятельнаго его приложенія къ уразумѣнію международной жизни цивилизованныхъ народовъ. Право опредѣляетъ отношенія индивидовъ, охраняетъ какъ слабаго противъ сильнаго, такъ и интересы общежитія тамъ, гдѣ личные интересы стремятся къ ихъ порабощенію. Изъ этого слѣдуетъ, что право есть неминуемое условіе всякаго развитія и прогресса, потому, что только съ помощью права можетъ состояться свободный и многосторонній обмѣнъ человеческихъ отношеній. Если же право опредѣляетъ отношенія индивидовъ, если оно служитъ залогомъ человеческого развитія, то очевидно, что основаніемъ права есть человеческая личность. Индивидъ, какъ субъектъ права, называется лицомъ и слѣдовательно, высшей и послѣдней цѣлью права должно быть совершенство этого лица ²⁾. Но лицо, какъ извѣстно, имѣетъ свою своеобразную жизнь, начиная съ самаго безпомощнаго возраста, оно постепенно достигаетъ возможнаго развитія и согласно этому, умножаются его потребно-

¹⁾ А R E N S. Die Rechtsphilosophie oder das Naturrecht auf philosophisch—anthropologischer Grundlage. 4-te Auflage. Wien. 1852. S. 243.

А R E N S. Die organische Staatslehre auf philosophisch—anthropologischer Grundlage. Wien. 1850. S. 43.

²⁾ H E L D. Grundzüge des allgemeinen Staatsrecht oder Institutionen des öffentlichen Rechts. Leipzig. 1868. S. 31.

сти и усложняются отношенія его къ другимъ. Однимъ словомъ, поступательное развитіе условій жизни должно привести къ поступательному выясненію сознанія права, и къ его развитію. Право, неразрывно связанное съ жизнью, не можетъ остаться неподвижнымъ, или, въ вѣчной неизмѣнности, но подобно лицу, право имѣетъ свою жизнь и ступени своего развитія. Представляя, въ младенческомъ возрастѣ человѣчества, совокупность самыхъ грубыхъ и перьобытныхъ условій жизни, право постепенно измѣняется и развивается, согласно измѣненіямъ и прогрессивному развитію человѣческой жизни. Поэтому, нельзя не согласиться съ словами одного мыслителя, что «право есть жизнь» (подразумѣвая, что право понято въ смыслѣ принципа жизни). Дѣйствительно, только тогда, когда право будетъ понято, какъ принципъ жизни и движенія, а слѣдовательно, и само имѣющеее жизнь и движеніе, мы въ состояніи будемъ уразумѣть, правильнымъ образомъ, развитіе человѣческаго общества и народовъ. Этимъ опровергается категорически мнѣніе тѣхъ писателей, которые думаютъ, что право, тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ жизни и требованіямъ нравственнаго развитія человѣчества, чѣмъ болѣе оно приближается къ такъ-называемому естественному праву. Другими словами, развитіе права понимаютъ какъ удаленіе отъ какого-то первообраза, къ которому должно, въ своемъ развитіи, придти въ концѣ концовъ человѣчество. Намъ кажется, что эта теорія, требующая возвращенія назадъ, осуждаетъ человѣчество на вѣчный застой. Нѣтъ, человѣческая личность есть принципъ и основаніе права, а по этому развитіе личности стоитъ въ прямомъ отношеніи къ развитію права и, на оборотъ, развитіе права зависитъ отъ прогресса личности ¹⁾). Такое пониманіе права даетъ твердую основу изслѣдованіямъ вопросовъ международнаго права и международной жизни, и объяс-

¹⁾ Lorenz Stein. System der Staatswissenschaften. Bd. II: Die Gesellschaftslehre. Stuttgart u. Augsburg. 1856. S. 63.

няетъ намъ, почему одно и тоже предписаніе международныхъ законовъ, въ одно время вызываетъ всеобщее одобреніе, а въ другое ненависть и ропотъ. Международное право также зиждется въ человѣческой природѣ и выказывало свое вліяніе съ тѣхъ поръ, какъ народы пришли къ сознанію необходимости международныхъ отношеній, когда исчезла враждебная изолированность и, международная жизнь стала требовать признанія и опредѣленія. Измѣненіе условій международной жизни должно было имѣть результатомъ измѣненіе права, и поэтому только изученіе условій международной жизни даннаго времени, въ историческомъ ея развитіи, можетъ выяснить истинное международное правосознаніе. И дѣйствительно, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на исторію развитія международной жизни, то нельзя не видѣть, какъ постепенно измѣняется международное право, какъ смягчаются бѣдствія войны и увеличиваются блага мирнаго сожитія народовъ.—Паскаль, въ своихъ знаменитыхъ провинціальныхъ письмахъ, говоритъ между прочимъ: «Человѣчество за все время своего «существованія должно быть разсматриваемо, какъ одинъ «человѣкъ, который вѣчно познаетъ и неудержимо развивается». Эти слова, какъ нельзя болѣе подкрѣпляютъ наше понятіе о поступательномъ развитіи международной жизни и права. Обращаясь къ исторіи человѣчества, мы дѣйствительно видимъ постоянное движеніе впередъ на пути къ невозможному усовершенствованію. Сообразно этому стремленію, и, подавляющему вліянію внѣшняго міра и матеріальныхъ препятствій, народы, то одерживали верхъ надъ физическими преградами, то подчинялись имъ и, возвели въ законъ преобладающее вліяніе физической силы. Но противъ этой силы выступила, прежде всего, сила духовная: *религія*, которая, безъ сомнѣнія, оказала неоцѣнимыя услуги человѣческому прогрессу и международной жизни. Религія обуздывала яростнаго побѣдителя; она принимала подъ свою защиту угнетенныхъ и чужестранцевъ,—накопецъ, религія настаивала на общечеловѣческой связи на-

родовъ и, во имя гуманности, требовала защиты невиннымъ и мирнымъ подданнымъ непріятеля. Мы не отрицаемъ нисколько всѣхъ услуги, оказанныя религіею выясненію международного правосознанія, но однако, думаемъ, что она не творитъ право, и ея велѣнія не суть юридическіе, обязательные законы. Ошибочнымъ кажется намъ, поэтому, стремленіе возвести вѣру и духъ христіанства въ единственный источникъ международного права, объяснять только ими произошедшія смягченія бѣдствій войны и развитіе права ея ¹⁾. Религія, по своей сущности, неизмѣнна, и не допускаетъ и не можетъ допускать, безъ самоотрицанія, какого либо самоизмѣненія. Поэтому, мы видимъ, что писатели по международному праву, которые основываются исключительно на духѣ христіанства, на божественномъ и естественномъ законѣ, доходятъ до того, что лишаютъ непріятеля-человѣка всѣхъ правъ и предоставляютъ его на полный произволъ разъяреннаго врага. Правда, эти мыслители, выставивъ это естественное право, вслѣдъ за тѣмъ, обыкновенно, приводятъ примѣры снисходительности и требуютъ «смягченія», (*temperamenta* — Гуго Гроція и *tempéraments* — современныхъ французскихъ публицистовъ), со стороны побѣдителя, если онъ проникнуть духомъ христіанства. Какъ шатки, въ юридическомъ смыслѣ, подобныя рассужденія и, какъ мало, они могутъ быть примѣнены къ современной международной жизни, едвали это нуждается въ доказательствахъ. Воюющему указываютъ на его неотъемлемое право вредить своему врагу всѣми возможными средствами, на примѣръ, убивать его беззащитныхъ подданныхъ, грабить ихъ, уводить въ плѣнъ, безчестить и т. д., а затѣмъ, обращаются съ просьбою о пощадѣ къ его снисходительности и милосердію. Очевидно, что не дости-

¹⁾ LAURENT. Histoire du droit des gens et des relations internationales. 2 ed. 1861. tome I, p. 21: — il est certain, du moins, que l'influence du christianisme sur le développement du droit international n'est que secondaire».

гается великодушное намѣреніе уничтожить произволъ и насиліе тѣмъ, что доказываютъ законность того и другаго. Если Гуго Гроцій, въ самомъ разгарѣ тридцатилѣтней войны, имѣлъ настолько смѣлости, что указывалъ на смягченія права побѣдителя и требовалъ пощады для побѣжденныхъ, согласно духу христіанской религіи и гуманности, то въ этомъ заключается одна изъ великихъ, личныхъ его заслугъ, которыя онъ оказалъ международному праву. Но непонятнымъ кажется то, какъ можно себѣ вообразить въ XIX столѣтіи, что право и международная жизнь остались на той же ступени развитія, какъ были въ XVII вѣкѣ.

Такимъ образомъ еще разъ повторяемъ, что международную жизнь мы понимаемъ въ постоянномъ прогрессивномъ движеніи, и, совокупность условій ея развитія опредѣляетъ международное право данной эпохи, а измѣненіе условій международной жизни неминуемо требуетъ измѣненія существующаго права. Съ этой точки зрѣнія, развитіе идеи гуманности (*l'idée de l'humanité*) ничто иное, какъ ступень въ развитіи идеи права, т. е. многое изъ того, о чемъ прежде можно было *просить* во имя гуманности или общечеловѣческой связи, въ другое время, при другихъ условіяхъ жизни, должно *требовать* какъ исполненіе предписанія права. Въ самомъ дѣлѣ, можно заставить умолкнуть присущія всякому человѣку любовь къ ближнему и чувство справедливости, но вырвать ихъ съ корнемъ нельзя: онѣ все-таки требуютъ милости и правды. Если нѣтъ въ окружающемъ складѣ жизни дѣйствительной опоры для ограниченія произвола, если вполне господствуетъ физическая грубая сила и, слѣдовательно, сущность права состоитъ въ силѣ, тогда только напоминаніе о христіанской любви и единой общечеловѣческой связи, можетъ имѣть вліяніе на смягченіе варварскихъ обычаевъ войны и на уваженіе человѣческой личности. Но, постепенное развитіе международныхъ отношеній и условій международной жизни, приводитъ къ измѣненію послѣдней и, къ требованію